

*Ласковые
слова
на котика*

*Татьяна
Дубровская*



Татьяна Дубровская

Ласковые слова на котика

«Автор»

2026

Дубровская Т.

Ласковые слова на котика / Т. Дубровская — «Автор», 2026

Одни родились в этом дворе, другие – пришли и остались. Полосатые и пятнистые, пушистые и гладкошёрстные, они не знали своих имен и, как умели, проживали свои маленькие, единственные жизни.

© Дубровская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Татьяна Дубровская

Ласковые слова на котика

Часть 1

Детство старшего сына. Мы на улице, гуляем. В поле зрения возникает кот. Котик незнакомый, гладить нельзя – это правило уже хорошо усвоено. Но и пропустить его, просто пройти мимо тоже нельзя. Нужно умилиться, вступить в контакт, погладить кота голосом: «Ко-о-тя, хоро-о-о-ший». Так всегда бывало, но в тот раз я как-то помедлила, задумалась, что ли, и тут же услышала просьбу: «Скажи ласковые слова на котика!»

Своего котика в доме не было, нет и сейчас, много лет спустя. А вот ласковых слов – это сколько угодно. Такая вот устная любовь к животным, в какой-то момент превратившаяся в письменную...

Персонажи

Место действия – двор серой пятиэтажки в спальном районе. С одной стороны – школа, выкрашенная разноцветными квадратами в стиле Мондриана, с другой – классический детский сад с деревянными песочницами и верандами-домиками.

Действующие лица – мелкие представители семейства кошачьих разного пола, окраса и возраста.

Время действия – 21-й век, десятые и чуть-чуть двадцатые годы.

История начинается с того времени, как появилась возможность работать удалённо и наблюдать кошачью жизнь с утра до вечера: с одной стороны дома – во время завтраков, обедов и ужинов, а с другой – во время работы, когда нужно было сменить фокус зрения, то есть оторваться от монитора и посмотреть вдаль.

Все коты до этого были доисторическими, поскольку отрывочных эпизодов их жизни для связной истории маловато.

Первым доисторическим котом был Мурзик. Он откуда-то был с самого начала и сразу с именем.

Мурзик сопровождал. Он заходил в подъезд и спокойно, без суеты шел сзади по лестнице, как идёт за хозяином домашний кот, ни на мгновение не сомневаясь, что дверь квартиры закроется за хвостом, а не перед носом. Мурзик доходил до двери, привычно слышал: «Нет, приятель. Не получится...» и безропотно возвращался на улицу. А в следующий раз снова сопровождал. Мурзик верил в чудо.

Он жил во дворе практически один и в еде недостатка не испытывал. Однако в доисторические времена бывали по-настоящему морозные зимы, и вот тогда бездомному Мурзику приходилось туго. На ночь он старался проникнуть в подъезд, чтобы погреться на угловой батарее, и никто ему в этой малости не отказывал. Однажды, правда, появилось написанное от руки объявление с просьбой закрывать входную дверь и не пускать бродячего кота. Провисело объявление недолго, до первого прочтения, а Мурзик успешно пережил холодную зиму.

Иногда во дворе появлялся большой старый кот Акела. Видимо, прежде он был основным котом в каком-то другом дворе, но в преклонном возрасте не выдержал конкуренции и вынужден был скитаться. Он уже не мог как следует ухаживать за своей шубой и поэтому имел весьма потрепанный вид. Однажды он прибыл с конъюнктивитом: один глаз заплаыл, нос заложен. А в холодильнике как раз был начатый флакончик альбумида, ужасно щипучего, но очень эффективного. Старый кот верил людям с ласковым голосом. Ничего не подозревая, он под-

нял крупную голову вверх и вступил в беседу. И тут, прямо в больной глаз, вероломно упала жгучая капля. «Мяу», – грустно сказал кот. Потом посмотрел с укоризной, отвернулся и медленно побрел прочь. Акела обиделся, но на следующий день его нос уже не сопел и оба глаза были в порядке.

А однажды младший сын вернулся с прогулки с важной информацией: «У Марика дома есть кот. Зовут Карман». Назвать кота Карманом? Такой оригинальный выбор кошачьего имени даже вызвал некоторое уважение. А потом Карман как-то выбрался на лестничную клетку и успел попасться на глаза, прежде чем его сгрёб в охапку маленький хозяин. Карман оказался пушистой кошкой чёрного цвета и, конечно, это была Кармен.

Кармен жила на пятом этаже практически безвылазно, выходя подышать свежим воздухом только на балкон и, как оказалось, на подоконник. Благодаря последнему она даже побывала уличной, кратковременно, но зато два раза. Однажды, ясным летним днем за окном раздался громкий скрежет, потом мимо пролетело чёрное растрёпанное облако и послышался глухой удар о землю. Тут же хлопнула дверь и в подъезде прокатился быстрый топот детских ног. Это Марик бежал возвращать домой соскользнувшую с жестяного подоконника Кармен. Через пару минут он уже нёс её наверх, перехватив поперёк туловища, и обоим было хорошо. Некоторое время спустя Кармен ещё раз попала на улицу прежним способом – отчаянный скрежет, летящее вниз лохматое облако, мягкий шлепок о землю. Затем торопливый топот и торжественное вознесение невредимого облака на пятый этаж.

Имя Кармен появится снова, уже в исторический период, который наступил, когда наблюдение за кошачьей жизнью приобрело более-менее регулярный характер. Но начнется исторический период с других имён, и первым будет Мурка.

Мурка

Она же Мурмяу или, в просторечном варианте, Мурмява. Было у Мурки и ещё одно имя, но об этом чуть позже.

Это была небольшая, очень изящная полосатая кошечка с буквой М на лбу. Основным занятием Мурки было заводить и выращивать котят. Котята появлялись на свет в тёмном подвале и росли там до тех пор, пока Мурка не решала, что пора. И тогда она выходила из подвала не одна, а с цепочкой разноцветных детей, и вела их в детский сад.

Забор детского сада находился метрах в двадцати от дома, и, чтобы добраться до него, нужно было пересечь полосу тротуара и поросший травой участок земли. Котята ковыляли за Муркой на слабых лапах, шурясь от яркого солнца и удивляясь новым запахам и звукам. А Мурка то и дело останавливалась, оглядывалась, не отстал ли кто, и, убедившись, что строй не нарушен, вела их дальше, к забору.

В первое время Мурка подводила котят к тому месту, где был узкий лаз. Она ловко запрыгивала на забор, легко приземлялась на другой стороне и оттуда звала к себе детей. Котята быстро поняли, что нужно делать, и, не успев как следует поволноваться, один за другим ныряли под забор и радостно воссоединялись с матерью. Однако так продолжалось недолго. Мурка хорошо знала, какие навыки потребуются им во взрослой жизни и составляла программу обучения как опытный педагог. Когда котята немного окрепли, она подводила их к забору уже в другом месте, где не было никакого промежутка между землёй и нижней планкой, и показывала, как забираться по металлической сетке, а потом спрыгивала на другую сторону и снова звала к себе детей. Попытки добраться до матери, протиснувшись под забором, оказывались тщетными, и котята вынужденно шли на штурм отвесной стены. Растопырив лапы, они распластывались на сетчатом заборе, как выкройки. Задача была трудной, получалось не сразу. Менее ловкие зависали подолгу, собирали силы для перемещения лап, а устав, опадали вниз, всё ещё не с нужной стороны забора. Самое тревожное было остаться одному, когда все уже перебрались и, довольные собой, весело тёрлись возле матери. Тогда на помощь горемыке

приходила смекалка. Нужно было всего лишь с отчаянным писком пометаться вдоль забора и отыскать заветный лаз.

Попасть на территорию детского сада было очень важно. Там вообще не было собак, а человеческие детеныши большую часть времени проводили в помещении. Кроме того, в конце дня их разбирали родители, и Муркиным котяткам доставались долгие летние вечера в безопасном месте, на мягкой траве у веранды. За соседней верандой были сложены друг на друга бетонные основания от разобранных скамеек, и их арки создавали причудливый лабиринт, который служил одновременно и местом для игры в прятки, и укрытием в случае внезапного появления детсадовского дворника.

В своё последнее лето в нашем дворе Мурка стала выводить котят на другую сторону дома. Она, наверное, уже предчувствовала смену места жительства и потому решила не приучать котят к детскому саду, где их никто не собирался ставить на довольствие. А на этой стороне из подъездов выходили люди и можно было посмотреть им в глаза, жалобно мяукнуть, разбудив сострадание, и получить еду, иногда сразу, иногда чуть позже, но получить непременно. Конечно, здесь было не так безопасно, как в детском саду, и поэтому для первого выхода из подвала были выбраны густые сумерки.

Уже зажётся тёплым светом уличный фонарь возле высокой берёзы, и тени от её качающихся ветвей заскользят по серой стене дома. Возле подъезда никого не было. Но вдруг раздалось мелодичное, непередаваемое «мур-р-мяу», и четыре тени послушно отделились от стены и пошли на чарующий голос. Это были новые Муркины дети. Опытная Мурка знала, что в темноте все котята серы и никто не заметит и не сможет обидеть её малышей. Так они и гуляли первое время, исключительно по вечерам. Бесшумно резвились на клумбе подрастающие котята, «мур-р-мяу», – время от времени нежно тренькала Мурка, подзывая их для проверки, шелестела листвой берёза, обеспечивая теневую маскировку для маленьких полосатых тел, и постепенно уходило в прошлое ещё одно лето...

Рыжий

Это был всем котам кот – крупный, широкоплечий, великолепного рыжего окраса, с сильным хвостом, поделённым на равные отрезки поперечными полосками. Он не был очень пушистым, и тем заметнее было его атлетическое телосложение. Рыжий смотрел на мир спокойно и доброжелательно. У него был красиво очерченный рот, и, когда он взглядывал умными глазами и складывал коричневые губы для приветствия, казалось, что вместо протяжного «мяу» он скажет: «Добрый день! Прекрасная погода, не правда ли?».

Главенство Рыжего во дворе было естественным и непререкаемым. Он добросовестно и методично переносил на местность установленные им же границы своей территории, постоянно обновляя пограничные метки терпким запахом чёрной смородины. Посторонние коты имели право лишь на транзитную визу, и нарушать строгий визовый режим никто не пытался.

Рыжий был рождён править и оказался мудрым и добрым правителем. В нём не было ни суеты, ни нервозности, ни беспричинной агрессии, характерных для тех, кого природа одарила менее щедро. Он был уверен в себе, в своей силе и привлекательности, и эта сдержанная уверенность делала его первенство неоспоримым. Рыжего скорее уважали, чем боялись, и он сам скорее уважал, чем боялся тех, кто потенциально был сильнее его. Он не шарахался от незнакомцев, легко шел на контакт и позволял гладить свою большую красивую голову. Рыжий был доверчив.

И его любили. Когда двое мальчишек золотого возраста (уже никаких капризов и ещё никаких гормональных бурь), возвращаясь из школы, захотели приласкать первого попавшегося на пути кота, а тот рванул в сторону с нескрываемым ужасом, один из них предложил: «Давай погладим оранжевого. Он такой дружелюбный!» И оранжевый с ними охотно подру-

жил. Ему было хорошо жить, он был рад жить и ему нравилось делиться с другими этой радостью.

Мурка и Рыжий

Рыжему было хорошо ещё и потому, что у него была Мурка и у них был l'amour. Они часто сидели рядом, переплетаясь как инь и ян, а иногда даже ели в обнимку, скрестив шеи. Рыжий любил наблюдать, как Мурка управляется с котятами, но сам в воспитании участия не принимал. У него были другие занятия. Однажды, посидев у семейного очага, он решил отправиться по своим делам. Мурка, будто вдруг вспомнив что-то, бросилась догонять супруга, а за ней неровным строем побежали малыши. Такая вот сценка из семейной жизни.

Дети у них получались отменные, но их было многовато для одного двора. Рыжих котят всегда разбирали, а с другими, как правило, возникали сложности. Двору грозило перенаселение, и тогда было принято решение вмешаться. Мурка была осторожна и недоверчива, и отловить её не удалось, а «дружелюбный оранжевый» как-то раз подошел поговорить и в итоге попал в гости к ветеринару. Он так и не понял толком, что произошло. Просто сначала было вот так, а потом стало иначе.

Вскоре после этого Мурка ушла. Вот тогда-то и стало известно ещё одно её имя – «Шалава». Оказывается, внимательные котолюбы уже давно прикрепили к ней это прозвище. Они неплохо разбирались в кошачьей жизни и легко определяли котят, которые были «ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца». Видимо, Мурка и правда имела склонность к промискуитету.

Рыжий остался в своем дворе. Король-кот без королевства. Он не утратил добродушия и доверчивости, но в глазах его всё же застыл немой вопрос. Что-то было не так. Он уже не мог защищать свою территорию, да и территории как таковой у него больше не было. Что за территория без смородиновых границ? И Мурки почему-то нет рядом.

Иногда Мурка возвращалась. Сидела одна, аккуратно, грустно. По-прежнему миловидная, но уже другая.

Может, достаточно просто прийти и сесть, и всё будет так, как прежде? Вспоминается забавная история с маленьким, ещё не разговаривающим гостем. Он прибыл вместе с родителями, их усадили на диван и угостили вкусным пирогом. Когда в следующий раз с ним зашли по делу, он повел себя несколько странно. Вместо того, чтобы пойти в комнату с игрушками, пока взрослые решают свои вопросы, он направился к дивану в гостиной и сел точно так же, как в прошлое посещение. Сидел неподвижно, как будто ждал чего-то. Ну что тут непонятного? Вот он снова в гостях, сидит на том же месте, значит на столе вот-вот появится вкусный пирог – всё, как прежде. Ах, если бы!

Мурка возвращалась и садилась на своё привычное место, но ничего прежнего уже не было – ни радостной энергии молодости, ни разноцветных котят, ни преданной любви Рыжего. Посидев так немного, Мурка снова уходила в какой-то чужой двор, в какую-то свою чужую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.